

Даниэла
СТИЛ

РАНЧО

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
THE RANCH

Copyright © 1997 by Danielle Steel

Перевод с английского А. Кабалкина

Художественное оформление Д. Сазонова

Стил, Даниэла.

С80

Ранчо / Даниэла Стил ; [пер. с англ. А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Великолепная Даниэла Стил).

ISBN 978-5-699-80856-4

Три женщины. Три подруги. Три судьбы.

Безупречная Мэри Стюарт Уолкер — на первый взгляд любимая жена успешного юриста и счастливая мать, а в действительности женщина, живущая под гнетом ужасной трагедии.

Блистательная Таня Томас — звезда шоу-бизнеса, обладающая славой и достатком, но заплатившая за это непомерно высокую цену.

Неутомимая Зоя Филлипс — известный врач-терапевт из Сан-Франциско, помогающая смертельно больным людям, но сама оказавшаяся в безвыходном положении.

В университете они были неразлучны, как сестры. С тех пор прошло много лет, но в трудный момент жизни они снова оказываются вместе. Смогут ли подруги забыть старые обиды, найти свет и вновь обрести надежду?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80856-4

*Виктории и Нэнси, бесценным подругам,
врачуящим мое сердце. С ними я смеюсь,
с ними плачу, они всегда рядом со мной.
С любовью, Д.С.*

Глава 1

В любом другом супермаркете эта женщина, толкающая тележку по проходу между стеллажами с бесчисленными банками и разнообразными специями, выглядела бы белой вороной, попавшей сюда по недоразумению. Тщательно расчесанные каштановые волосы до плеч, огромные карие глаза, стройная фигура, ухоженные ногти с маникюром. Респектабельный облик дополнял элегантный синий костюм — раздобыть такой можно разве что в Париже. Голубые, в тон костюму, туфли на высоком каблуке, синяя сумка от Шанель завершали наряд, свидетельствующий о прекрасном вкусе.

Мэри Стюарт Уолкер частенько заглядывала по дороге домой в «Гристед» на углу Мэдисон-авеню и Семьдесят седьмой улицы. Все необходимое для дома обычно добывала прислуга, но ей нравилось и самой делать покупки. Она любила готовить ужин и встречать Билла по вечерам. Они всегда обходились без кухарки, даже когда дети были еще маленькие.

Жили Уолкеры неподалеку от пересечения Семьдесят восьмой улицы и Пятой авеню вот уже пятнадцать лет. Мэри Стюарт пеклась о своем фешенебельном и уютном доме. Дети порой подтрунивали над ней, дразня за стремление к безупречности во всем — все должно вы-

глядеть образцово: и жилище, и его обитатели, и прежде всего она сама. Даже в жаркий июньский нью-йоркский вечер, после шести часов изнурительных заседаний где-нибудь в музейном совете, губы Мэри Стюарт по-прежнему блестели свеженанесенной помадой, а из прически не выбивался ни единый волосок.

Она везла к кассе два небольших бифштекса, две упаковки картофеля для варки, немного свежей спаржи, фруктов, несколько йогуртов. Как хорошо она помнила времена, когда доверху нагружала магазинную тележку! Как ни хмурилась Мэри Стюарт, разыгрывая неодобрение, трудно было отказать дочери и сыну в лакомствах, которых они, насмотревшись рекламы по телевизору, дружно требовали. Ей доставляло удовольствие лишний раз побаловать их фруктовыми жвачками, раз это было для них так важно. К чему отказывать детям в таких мелочах, заставляя поглощать здоровую, но ненавистную им пищу?

Подобно большинству ньюйоркцев их круга, они с Биллом ожидали от своих детей очень много: самых лучших отметок в школе, впечатляющих спортивных достижений, целостности натуры. Ожидания оправдались. Алиса и Тодд стали гордостью родителей: они блистали повсюду, показывая отличные результаты в школе и вне ее и отличаясь достоинством и благородством. С раннего детства Билл как бы шутя твердил им, что ждет от них совершенства, но дети и сами прекрасно понимали, что и на самом деле отец и мать возлагали на них большие надежды. Алиса и Тодд громко стонали, слыша надоевшие призывы, однако знали, насколько это серьезно. Отец требовал, чтобы они полностью выкладывались в школе и за ее пределами. Абсолютный успех возможен, конечно, не всегда, но стремиться к нему необходимо.

Соответствовать таким завышенным требованиям нелегко, но Билл Уолкер всегда держал планку на большой высоте, не давая детям поблажки. Мать только выглядела ярой поклонницей совершенства, отец же был несгибаем: он ждал, что и они, и их мать не будут жалеть сил, стремясь к идеалу. Билл держал в напряжении не только своих детей, но и жену.

Мэри Стюарт была образцовой женой на протяжении вот уже почти двадцати двух лет. Прекрасно вела домашнее хозяйство, родила и воспитала великолепных детей, всегда отлично выглядела, радушно принимала его гостей и вообще делала все с большим воодушевлением. Их дом, попавший на страницы журнала «Архитекторал дайджест», оставался милым уголком, куда всегда было приятно возвращаться.

Казалось, жене все дается без малейшего напряжения, хотя невозможно себе представить, что подобных успехов можно достичь, не прилагая усилий. Просто таков раз и навсегда установленный порядок, который она как бы с легкостью поддерживала день за днем, искренне стремясь сделать приятное мужу. Уже несколько лет она устраивала благотворительные кампании, заседала в музейных комитетах, не щадила себя, помогая раненым, больным, обделенным судьбой детям. Теперь, когда ей сорок четыре и подросли ее собственные дети, она, кроме того, бесплатно трудилась в гарлемской больнице для детишек с физическими и умственными недостатками.

Мэри Стюарт заседала в советах Метрополитен-музея и Линкольновского центра сценических искусств, а также участвовала в ежегодных кампаниях по сбору средств в разные фонды, ибо ее помощи желали все. Она буквально тонула в делах, особенно теперь, когда дома ее уже не дожидались дети, а муж допоздна засиживался на

работе. Билл являлся одним из руководителей международной юридической фирмы на Уолл-стрит и отвечал за все ее важнейшие дела, связанные с Германией и Англией. Он начал карьеру адвокатом и значительно продвинулся по служебной лестнице во многом благодаря репутации Мэри Стюарт как активного общественного деятеля.

На первый взгляд прошедший год у семейства Уолкер-ов выдался относительно спокойным. Билл провел его большую часть за границей, особенно подолгу отсутствуя в последние месяцы, — занимался подготовкой крупного судебного процесса в Лондоне. Сама Мэри Стюарт с головой ушла в больничные хлопоты. Алиса училась на первом курсе в Сорбонне. У Мэри Стюарт появилось немного времени и для самой себя. Она много читала, а выходные проводила в больнице. Случалось, по воскресеньям позволяла себе и отдохнуть, подолгу не вставая с постели, зачитавшись романом или решив изучить от первой до последней страницы «Нью-Йорк таймс».

Выглядела Мэри Стюарт много моложе своих лет. Хотя за последний год она сильно похудела, но это как будто пошло ей на пользу. Благодаря природной мягкости она завоевала всеобщую симпатию, особенно у детей, с которыми работала. Ее искренняя душевная доброта уничтожала все социальные перегородки и заставляла забыть, из какого мира спустилась эта леди в мир страданий. Она была отзывчива, даже, казалось, испытывала грусть, словно понимала подлинные муки и сама их немало пережила. Но при этом от нее вовсе не веяло тоской. В общем, на первый взгляд жизнь Мэри Стюарт являла собой образец удачливости. Дети — умнейшие из умных, красивейшие из красавцев. Мужу неизменно сопутствует успех по всем статьям — и в

материальном смысле, и в профессиональном: ведь он выигрывает один за другим известные в стране и за рубежом судебные процессы, пользуется уважением и в деловой среде, и в кругу их знакомых.

Выходит, у Мэри Стюарт есть все, о чем мечтает каждая женщина. Но почему в ее облике сквозит какая-то странная печаль? Внешне это почти никак не проявляется, а скорее угадывается интуитивно. Как ни странно, этой хрупкой молодой женщине хотелось посочувствовать: она казалась такой одинокой! Невероятно — такая уникальная женщина, как Мэри Стюарт, с ее красотой, другими достоинствами, не может мучиться от одиночества! Есть ли основания так думать? Однако стоит к ней как следует приглядеться, как мимолетное ощущение перерастает в уверенность. За элегантною внешностью скрыты невидимые миру слезы.

— Как поживаете, миссис Уолкер? — Кассир приветливо улыбнулся. Он симпатизировал этой покупательнице, не только очень красивой, но и неизменно вежливой, никогда не забывавшей расспросить его о семье, жене, здоровье матери, пока старушка была жива. Раньше она навещала магазин с детьми, теперь они уехали, и леди приходит одна и всегда развлекает его беседой. Не восхищаться этой женщиной попросту невозможно!

— Спасибо, Чарли, неплохо. — Улыбка делала ее еще моложе. Наверное, миссис Уолкер мало изменилась с тех пор, как по выходным приходила в магазин за покупками в простых джинсах и футболке — должно быть, выглядела в точности так, как ее дочка сейчас. — Ну и жара сегодня! — пожаловалась она, хотя ее вид менее всего говорил о том, что леди испытывает неудобство от сюрпризов погоды.

Миссис Уолкер всегда выглядит одинаково хорошо. Зимой одевается изящно, хотя остальных холод заставляет кутаться, обуваться в неуклюжие сапоги, чтобы преодолевать сугробы и не промочить ноги, обматываться шарфами, уродовать себя наушниками. Летом, когда другие изнемогают от нещадного зноя, она, как всегда, невозмутима. Казалось, даже не знает, что такое испарина и одышка, и относится к редкой породе людей, у которых никогда ничего не валится из рук и которые в любой ситуации ведут себя одинаково ровно. Зато он нередко видел ее, веселящуюся со своими детьми. Дочка просто куколка, да и сынок славный малый. Такая уж это семья. Но, по мнению Чарли, муж такой женщины мог бы быть менее сдержанным... С другой стороны, разве угадаешь, что делает людей счастливыми? Словом, загляденье, а не семья! Он предположил, что мистер Уолкер вернулся из очередной поездки: недаром она купила две порции картошки и мяса.

— Передали, что завтра будет еще жарче, — предупредил он, укладывая ее покупки в пакет и заметив, как миссис Уолкер покосилась на «Энквайер» и неодобрительно нахмурилась.

На первой странице красовалась знаменитая певица Таня Томас. Надпись гласила: «ТАНЕ ПРЕДСТОИТ НОВЫЙ РАЗВОД, БРАК ТРЕЩИТ ПО ШВАМ ИЗ-ЗА ЕЕ СВЯЗИ С ИНСТРУКТОРОМ». Здесь же были напечатаны ужасные фотографии самой певицы, а также снимок, изображающий мускулистого инструктора в майке, и еще один снимок — ее теперешний муж, спасающийся от журналистов и закрывающий от камер лицо у входа в ночной клуб.

Чарли тоже взглянул на них и пожал плечами:

— На то и Голливуд! Они там все спят с кем попало.

Непонятно, зачем им вообще жениться?.. — Сам он прожил со своей женой тридцать девять лет, и голливудские причуды казались ему из ряда вон выходящими.

— Не надо верить всему, что пишут, — назидательно отчеканила Мэри Стюарт. Ее брови дрогнули, и у переносицы появилась чуть заметная складочка, в ласковых карих глазах читалось беспокойство.

Он улыбнулся в ответ:

— Больно вы ко всем добры, миссис Уолкер! Уверяю вас, они там совсем не такие, как мы.

Уж он-то знал эту породу! Некоторые киношные знаменитости являлись его многолетними клиентами и вечно приходили с новыми спутниками или спутницами. С ними не соскучишься! Зачем их защищать? Между этой публикой и Мэри Стюарт Уолкер нет ничего общего. Он не сомневался, что ей вообще невдомек, о чем он толкует.

— А вы, Чарли, все равно не верьте, — повторила она, причем необычным для нее твердым тоном, после чего забрала покупки и простилась до завтра.

От супермаркета до дома, где они жили, рукой подать. Был уже седьмой час, но духота все еще не спадала. Билл, видимо, вернется домой в свое обычное время, примерно в семь, и поужинает в половине восьмого или в восемь, как сам пожелает. Сейчас она поставит картофель в духовку, примет душ и переоденется — ведь Мэри Стюарт только выглядела бодрой. На самом деле женщина смертельно устала от жары и бесконечных совещаний. Музей готовил осеннюю грандиозную кампанию по сбору средств на благотворительные цели. В сентябре планировалось дать большой бал, где Мэри Стюарт учредители предлагали взять на себя роль хозяйки. Пока что ей удавалось найти благовидные предлоги и отка-

заться от этого предложения, ограничив свое участие в организации бала несколькими ценными советами. Ей не хотелось вникать в еще одно сложное дело: в последнее время больница для детей-инвалидов и приют для обездоленной гарлемской детворы отнимали у нее много времени.

Привратник поприветствовал ее у входа, взял у нее пакет и передал лифтеру. Поблагодарив, она молча доехала до своей квартиры, занимающей весь этаж. Дом был старый, величественный и очень красивый. На Пятой авеню она знала всего несколько ему под стать. Из окон их квартиры открывался великолепный вид, особенно зимой, когда Центральный парк засыпан снегом и высокие дома с противоположной стороны парка выступают особенно контрастно на фоне неба. Летом тоже красиво: все вокруг покрыто буйной зеленью и с их четырнадцатого этажа выглядит очень мило и беззаботно. Сюда не доносится уличный шум, здесь нет пыли и можно вздохнуть полной грудью и расслабиться после хлопотного дня. В этом году весна выдалась поздняя, и почки на деревьях, и первые цветы распустились совсем недавно, положив конец затянувшейся промозглой зиме.

Мэри Стюарт поблагодарила лифтера за помощь, заперла за ним дверь, затем вошла в просторную белоснежную кухню, которую очень любила. Если не считать трех французских гравюр в рамках на стенах, кухня была белоснежной: белые стены, белый пол, белые столы. Пять лет назад именно дизайн кухни Уолкеров привлек репортеров из «Архитекторал дайджест». На одной из фотографий, помещенных в журнале, фигурировала сама Мэри Стюарт. Она сидела на кухонном табурете в белых джинсах и белом ангорском джемпере.

Уолкеры пользовались теперь помощью приходящей прислуги, поэтому вечером квартира встречала хозяйку тишиной. Мэри Стюарт вынула из пакета покупки, включила духовку и надолго застыла у окна, выходящего в парк. Недалеко от дома находилась детская площадка. Глядя на нее, она вспомнила, сколько времени провела там, когда дети были маленькие, как мерзла зимой, качала их на качелях, наблюдала за их играми с приятелями. Как же давно это было! Казалось, минуло тысячелетие! Но ведь еще недавно дети жили дома, каждый вечер за ужином рассказывали родителям, перебивая друг друга, о своих делах, планах, проблемах. Как ей сейчас не хватает этого! Даже самый отчаянный спор между Алисой и Тоддом стал бы для нее отрадой — настолько Мэри Стюарт устала от тишины в доме. Она с нетерпением ждала осени, когда Алиса должна вернуться из Парижа и продолжить учебу в Йеле. Тогда дочь будет хотя бы иногда заглядывать домой на уик-энд.

Мэри Стюарт покинула кухню и перешла в свой маленький кабинет. Здесь был установлен автоответчик. Стоило ей нажать кнопку, как раздался голос Алисы. Мэри Стюарт улыбнулась.

«Привет, мам. Жаль, что я тебя не застала. Просто хотела сообщить, что жива, и узнать, как твои дела. Здесь десять часов, я бегу с друзьями в кафе. Меня долго не будет, так что не звони. В выходные я обязательно перезвоню. Увидимся через несколько недель. Пока». Потом, спохватившись, дочь добавила: «Ой! Я тебя люблю».

После этого раздался щелчок — Алиса повесила трубку. Автоответчик зафиксировал время звонка. Мэри Стюарт посмотрела на часы и покачала головой: жаль, что ее не оказалось дома. Когда Алиса позвонила, в Нью-Йорке было четыре. С тех пор прошло два с поло-

виной часа. Мэри Стюарт собиралась к дочери в Париж через три недели, чтобы провести вместе с ней каникулы на юге Франции, а потом в Италии. Она планировала пробыть в Европе две недели — Алиса намеревалась вернуться домой в конце августа, за несколько дней до начала занятий в университете. Дочери не хотелось покидать Европу, и она предупредила, что после учебы вернется в Париж. Пока что Мэри Стюарт не думала об этом — за год, проведенный без Алисы, она извелась от одиночества.

«Мэри Стюарт! — Этот голос принадлежал мужу. — Сегодня я не успею домой к ужину. До семи у меня совещание, потом — ужин с клиентами, как я только что узнал. Увидимся в десять-одиннадцать. Извини».

Щелчок. Билл, как водится, лаконичен, ограничился самой необходимой информацией. Она привыкла — его всегда дожидаются клиенты, и он терпеть не может автоответчиков. По его утверждениям, он органически не способен с ними общаться и никогда не оставит ей на автоответчике сообщения личного свойства. Иногда жена подшучивала над ним по этому поводу. Раньше таких поводов было гораздо больше, но теперь все в прошлом.

Последний год оказался для них нелегким. Столько неожиданностей, разочарований, даже ударов... Внешне, впрочем, все оставалось по-прежнему, Мэри Стюарт поражалась: как она вообще продолжает жить?! С разбитым вдребезги сердцем варит кофе, покупает простыни, перестилает постели, присутствует на совещаниях. Каждое утро она вставала, умывалась, одевалась, вечером ложилась спать. Кажется, часть ее существа уже умерла. В былые времена она не понимала, как другие люди переносят подобные удары судьбы. Даже восхищалась

их стойкостью, от души им сочувствуя. Что ж, теперь ей ясно: человек просто продолжает жить. Сердце его бьется по-прежнему, он передвигает ноги, произносит слова, дышит. Но внутри у него — пустота.

«Здравствуйте! — Еще один мужской голос. — Звонит Тони Джонс. Ваш видеоманитофон отремонтирован. Можете забрать его в любое время. Спасибо и до свидания».

Далее последовали сообщения о заседаниях совета и изменении сроков их проведения, о бале в музее — касательно ее участия в подготовительном процессе, от руководительницы группы добровольных помощниц в гарлемском приюте.

Сделав несколько пометок в блокноте, Мэри Стюарт вспомнила, что надо выключить духовку, Билл не придет ужинать... Опять!.. *Слишком* уж упорно он работает. Что ж, таков его способ выживания. Она тоже старалась забыться, погружаясь в водоворот собраний, заседаний и комитетов.

Мэри Стюарт выключила духовку и решила сварить себе яйца, но не сейчас, потом. Из кухни она направилась к себе. Стены ее спальни бледно-желтые, с золотым оттенком, украшены старыми гравюрами и акварелями, на одной висит старинный вышитый ковер, купленный ею в Англии. В углу — красивый мраморный камин, на каминной полке фотографии детей в серебряных рамках. По обеим сторонам камина — удобные, мягкие кресла; они с Биллом любили посидеть здесь вечером или в выходной с книжкой или газетой. Супруги уже год как не выезжают из города по выходным. Прошлым летом они продали свой дом в Коннектикуте, который стал им не нужен, — дети больше с ними не жили, а Билл был постоянно в разъездах.

— В нашей жизни наступил период сужения, — пошутила как-то Мэри Стюарт в разговоре с подругой. — Дети с нами не живут, Билла вечно нет дома, вот мы и уменьшаемся в масштабах. Даже квартира нам теперь великовата. — Впрочем, продать квартиру не хватило бы духу. Как-никак здесь выросли ее дети.

Войдя в спальню, она невольно подняла глаза на фотографии, как всегда, буквально впившись в них взором. Для нее очень важно по-прежнему видеть здесь детей — в четыре, в пять, в десять, в пятнадцать лет, — собаку, которую им завели, когда они были совсем еще малышами: огромного и дружелюбного бурого лабрадора по кличке Мусс. До чего же замечательно смотреть на них и вспоминать!..

Как часто в мыслях она возвращалась в прошлое, когда так легко разрешались любые проблемы. Или почти любые. На нее глянула веселая мордашка Тодда. Она увидела его мальчуганом, гонящимся за собакой, вспомнила очень отчетливо его падение в бассейн, когда ему было всего три года, как бесстрашно нырнула за ним прямо в одежде. Тогда она его спасла. Он и Алиса всегда могли надеяться на свою мать. А вот рождественская фотография: они стоят втроем обнявшись, хохочут и дурачатся. Бедняга фотограф умаялся, умоляя их хоть немного побыть серьезными, чтобы он смог сфотографировать...

Тодд вечно распевал дурацкие песенки, вызывавшие у Алисы веселый хохот; даже Мэри Стюарт и Билл не могли удержаться от смеха. Как хорошо было дурачиться! С ними вообще всегда было хорошо...

Мэри Стюарт отвернулась от фотографий, испытывая нестерпимую муку и в то же время необъяснимое удовлетворение. Эти родные лица на снимках одновремен-

но терзали ей сердце и утоляли ее печаль. Почувствовав комок в горле, Мэри Стюарт поспешила в ванную, где, умыв лицо, сурово посмотрела на себя в зеркало.

«Прекрати!» Она покорно кивнула. Главное — не давать волю чувствам, забытья. А забывшись, она оказывалась в какой-то незнакомой пустынной местности. Здесь ей было тоскливо и невыносимо одиноко. Ей казалось, что и Билл блуждает по той же пустыне, стараясь вырваться из собственного ада. Вот уже более года она пытается его там разыскать, но пока безуспешно...

Она задумалась — не поужинать ли? — но решила, что не голодна. Сняв костюм, натянула розовую тенниску и джинсы. Потом вернулась в свой миниатюрный кабинет, уселась за письменный стол и стала просматривать бумаги. Часы показывали семь, но на улице было еще светло. Ей вдруг захотелось позвонить Биллу. Теперь у них осталось крайне мало тем для разговора, разве что его работа да ее совещания, однако она упорно продолжала ему названивать. Лучше так, чем полное уныние. Как ни тяжело им было последний год, Мэри Стюарт все же не опускала рук, не желая признавать себя побежденной. В выстроенной ею жизненной схеме вообще не было места поражению. Прожив вместе столько лет, они слишком многим друг другу обязаны. Дурная погода — еще не повод покинуть судно. Мэри Стюарт скорее предпочла бы пойти на дно вместе с кораблем, терпящим бедствие.

Она набрала номер и терпеливо ждала, пока секретарь взяла трубку. Нет, мистера Уолкера нет на месте. Он все еще на совещании. Она обязательно передаст ему о звонке миссис Уолкер.

— Спасибо. — Мэри Стюарт повесила трубку и повернулась в кресле, снова залюбовавшись видом из окна.